

И.А. Исаев. ТОПОС И НОМОС: ПРОСТРАНСТВА ПРАВОПОРЯДКОВ. М.: Норма, 2007.

Не раз приходилось высказываться в том смысле, что претендовать на высокое звание ученого может лишь тот, чья деятельность в научной сфере отвечает по крайней мере двум критериям. Во-первых, настоящий ученый должен генерировать собственные оригинальные идеи. Во-вторых, он должен возвышаться в своих исследованиях до теоретического уровня осмысления действительности. Если этого не происходит, то мы имеем дело не более чем с ремесленничеством. Оценивая с этих, несомненно, весьма взыскательных позиций рецензируемую монографию, можно с уверенностью сказать, что нам представилась счастливая возможность ознакомиться с истинно научным произведением. Исследователи, склонные к поверхностному, одномерному восприятию событий, реагирующие исключительно на конкретно-практические нужды и обречения, обладающие мышлением, пропитанным грубым утилитаризмом, и потому начисто лишённые способности объять действительность во всей ее сложности, взаимообусловленности и гармоничной целостности, вряд ли верно воспримут рассуждения и доводы проф. И.А. Исаева. Однако обладатели мышления, ориентированного на познание сокрытой природы вещей, нацеленного на постижение неочевидных истин, стремящегося проникнуть вглубь; в самую суть социального бытия, вскрыть его завораживающую красоту и стройность архитектуру, осознать историко-философский смысл происходящих в мире общественно-политических явлений и процессов, таковые, безусловно, вдохновятся, содержащимися в работе идеями.

Пожалуй, основная тема исследования, рефреном проходящая через все произведение, это тема власти и властеотношений, развертывающихся во времени и пространстве, в различных ипостасях и проявлениях, зачастую противоречивых и непредсказуемых превращениях.

Многие воззрения И.А. Исаева представляются оригинальными и интересными. Привлекает, в частности, настороженное, можно даже сказать, достаточно скептическое отношение автора к такому, по его справедливому замечанию, “парадоксальному” режиму, как демократия. Парадоксальность эта своим глубинным основанием имеет некий “демократический дуализм”, заключающийся в том, что в самом народе (или демосе) всегда “отмечалось устойчивое наличие двух склонностей либо тенденций: одна из них выражала стремление демоса к активному самоуправлению или хотя бы участию в управлении полисом-государством, другая оказывалась связанной с неизменно присущими значительной массе населения анархическими и нигилистическими чертами характера, неподчинением, буйством и непредсказуемостью” (с. 325).

Парадоксальность демократии состоит также и в том, что она ставит перед собой цель достижения полного равенства, понимаемого как уничтожение всяческих различий, что в принципе невозможно, ибо “иерархия сама по себе неуничтожима и, следовательно, всякий акт ее разрушения означает не более чем

замену одной иерархической структуры другой” (с. 328). И в данном случае трудно не согласиться с автором. Действительно, мироздание не знает идентичных сущностей. Космос поражает своеобразием и неповторимостью форм. Во всей вселенной не сыскать двух одинаковых объектов. Это, разумеется, в полной мере относится и к нам – людям. Все мы разные. И разница эта бывает зачастую поистине огромна, особенно в том, что касается интеллектуальных способностей, нравственных качеств и черт характера. Как часто на протяжении жизни нам представляется возможность восхищаться величием разума и духа человека и, к сожалению, столь же часто – ужасаться его глупости, низости и подлости! Эта неодинаковость, непохожесть людей друг на друга, их ярко выраженная, проявляющаяся буквально во всем индивидуальность имеет своим неизбежным следствием то обстоятельство, что ни в одном социуме, составляющие его личности никогда не рассматривались и не рассматриваются в качестве равноценных и равнозначных. А это в свою очередь практически означает, что установление иерархических отношений между ними вполне естественно и объективно обусловлено самой природой человека, его уникальностью и неповторимостью. Действительно, достаточно лишь чуть пристальнее, чуть внимательнее присмотреться к человеческому сообществу, чтобы убедиться в очевидности того факта, что оно основано на иерархии, пронизано иерархическим началом. Дети слушаются родителей, младшие старших, подчиненные начальников, нижестоящие вышестоящих и т.д. Там, где этот существующий испокон веков порядок по тем или иным причинам нарушается, жизнедеятельность общественного организма дает сбой, его “здоровье” рано или поздно оказывается под угрозой. Более того, в реальности равноправные отношения между людьми встречаются весьма редко. Даже тогда, когда они априори предполагаются, в частности в дружбе или партнерстве, в большинстве случаев оказывается, что один играет менее значимую роль, попадает в зависимое положение, является, условно говоря, ведомым, в то время как его более активный, энергичный и властный товарищ или компаньон выступает в качестве ведущего.

И.А. Исаев вполне обоснованно отмечает, что демократия представляет собой популярный и широко распространенный *политический миф*, ассоциирующийся даже с самим прогрессом (с. 327). Между тем подобная ассоциация более чем сомнительна. Об этом красноречиво свидетельствуют, помимо прочего, следующие рассуждения автора: “В отличие от монархической формы правления, где власть суверена долгосрочна (в идеале бессрочна) и в значительной степени сакрализована, власть демократически сформированного суверена нуждается в постоянном обосновании, легитимации и оправдании, она вынуждена доказывать свою необходимость и в то же время чрезвычайность, т.е. исключительность. Она призвана решать вполне конкретные и, в сущности, краткосрочные за-

дачи, а свои чрезвычайные полномочия рассматривает как обусловленные особыми обстоятельствами” (с. 332). Иными словами, демократия является таким политическим режимом, таким способом формирования, организации и функционирования государственной власти, который априори нацелен на перманентное решение исключительно краткосрочных, сиюминутных задач, здесь и сейчас возникающих сугубо конкретных вопросов и проблем. Демократия по сути своей не ориентирована на долгосрочную историческую перспективу, на интенсивное интеллектуальное накопление, создание новаторского задела на будущее. Однако без этой ориентации невозможно движение по пути общественного прогресса.

Здесь сама собой напрашивается аналогия с той экономической системой, которую демократия политически оформляет, а именно – с системой рыночной экономики. Подавляющее большинство населения земного шара живет в условиях более или менее развитой, в той или иной степени сформировавшейся рыночной экономики. Однако рыночные отношения, охватившие весь общественный организм, соответствующие им ценностные ориентиры и идеологические принципы вопреки широко распространенному мнению в определенном смысле враждебны общественному прогрессу¹. Дело в том, что многочисленные и разнообразные субъекты, действующие в рыночной системе, вынуждены подчиняться ее правилам и законам, сообразовывать свое поведение со сложившимися в ее рамках аксиологическими установками. А это, помимо прочего, с неизбежностью предполагает ориентацию на утилитаризм, на отказ от той практики или ограничение тех форм деятельности, которые в принципе не могут принести ощутимой материальной выгоды, причем в ближайшем обозримом будущем. В результате рыночная система сама по себе относится индифферентно к искусству и литературе, академическому образованию, фундаментальной науке и т.п. А сдержанное или негативное отношение к названным и другим формам духовного производства, в сущности, равносильно препятствованию общественному прогрессу, немалому без постоянной заботы об интеллектуальном и духовном развитии как отдельной личности, так и всего общества.

Более того, капитализм (т.е., схематично, демократия плюс рыночные отношения) безо всякого энтузиазма относится и к любым начинаниям даже собственно экономического порядка, рассчитанным на долгосрочную перспективу и сулящим выгоды не нынешнему, а лишь будущим поколениям. Вряд ли кто-либо в состоянии заинтересовать буржуа предложением вложения денежных средств в мероприятие, сулящее отдачу в виде прибыли лет так через 50. Разве что, это будет уж очень нетипичный представитель своего класса.

В параграфе, озаглавленном “Демократия и диктатура” гл. 7 рецензируемой монографии вскрыты драматизм и сложность диалектической связи этих двух, казалось бы, взаимоисключающих общественно-политических феноменов. И.А. Исаев приходит к следующему выводу: “Демократия ... как неутомимый дестабилизатор социальной устойчивости, в итоге по-

рождают другое чрезвычайное состояние, исключительное, но длящееся, – диктатуру, конкретно нацеленную на решение конкретных вопросов стабилизации: политика в этот момент, хочет она того или нет, обретает настоящий образ “полиции”, а законность безропотно уступает свое место правопорядку, как данному и неоспариваемому факту” (с. 335).

Труд И.А. Исаева располагается на стыке философии, юриспруденции, истории, политологии, социальной психологии. Причем сделано это вполне осознанно. По справедливому замечанию автора, “сама правовая реальность слишком многообразна для того, чтобы воспринимать и описывать ее при помощи только какого-либо одного исключительного, а тем более императивно-нормативного, т.е., по существу, волюнтаристского метода”. И далее: “Несомненно поэтом право, закон, власть как выдающиеся явления мирового порядка нуждаются в более широком взгляде на них, а следовательно, и в более комплексном учете и освещении всех нюансов и всего своеобразия, свойственных каждому их проявлению и каждому отдельному их элементу” (с. 9).

Как и всякой подлинно творческой работе помимо достоинств ей присущи определенные погрешности. В значительной мере они проистекают из увлеченности автора, в частности продиктованы стремлением обосновать тезис о преимуществах иерархического принципа организации жизнедеятельности социума. Он правомерно обращается к прошлой истории, событиям и фактам которой, казалось бы, безоговорочно подтверждают это заключение. Однако дополнение исторического подхода философским, позволяющее сопоставить прошлое с настоящим и наметившимся будущим, оценить явление иерархии с позиций развития цивилизации в целом, вызывает сомнения в верности данного заключения. Ведь неслучайно одним из важных критериев качественной характеристики исторического развития является его соотношение с прогрессом. Критерием же, на основании которого тот или иной период истории той или иной страны полагается прогрессивным, выступает не только укрепление иерархического принципа, предполагающего зависимость и подчиненность мест центру, отдельных сегментов социума его управляющему звену. Закономерной тенденцией прогресса является также все большая самостоятельность, суверенность, самодеятельность и независимость частей, образующих общественный организм.

И, наконец, последнее. Все, кто возьмут на себя труд изучить монографию И.А. Исаева (именно труд, ибо осмысление подобных произведений – дело отнюдь не легкое), непременно получат не только интеллектуальное, но и немалое эстетическое удовольствие, обусловленное, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что автор прекрасно владеет русским языком (а это, к сожалению, в последние годы даже в научной среде становится редкостью). Во-вторых, необычайной насыщенностью культурно-исторического фона, на котором вырисовываются основные элементы рассматриваемой научной композиции.

А.Д. Керимов, доктор юрид. наук, проф.

¹ Эта тема подробнейшим образом была развита А.С. Панариным (см.: *Панарин А.С. “Рыночный” вызов просвещению // Трибуна русской мысли. 2002. № 4; 2003. № 1*).